

Аннэр К.
ТриПсих



Издательский Дом ЯСК
Москва 2023

УДК 82-4
ББК 84(2)
А 68

Аннэр К.

А 68 ТриПсих – М.: Издательский Дом ЯСК,
2023. – 208 с.: ил.

ISBN 978-5-907498-51-8

Ψυχή – душа в переводе с греческого, произносится как психи́, ударение на последнюю гласную, а если ударение поставить на первую гласную, то получится, что это множественное число от слова псих, то есть психи – это как бы и душа в переводе, и какие-то не вполне нормальные индивидуумы.

Книга о таких вот психах, для которых поиск ответа на вопросы: «Кто я? Что я? Зачем я здесь?» является единственным смыслом их жизни.

**УДК 82-4
ББК 84(2)**

В оформлении книги использованы работы
Олега Шука

ISBN 978-5-907498-51-8



9 785907 498518 >

© Аннэр К., 2023
© Олег Шук, рисунки, 2023
© Издательский Дом ЯСК, 2023

Содержание

Первая часть

Из-зи. Мечты о жизни 5

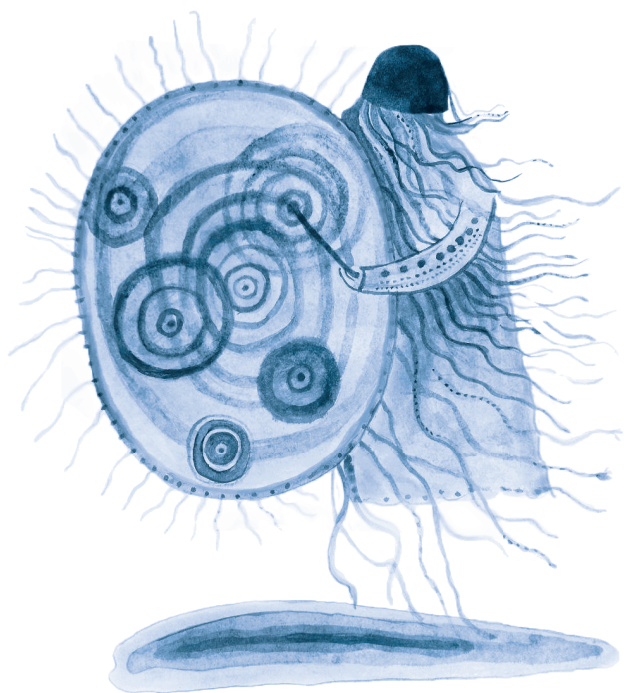
Вторая часть

Зе-ен. Круги на Базаре 63

Третья часть

Яг-ги. Анализ абсолютной иерархии 133

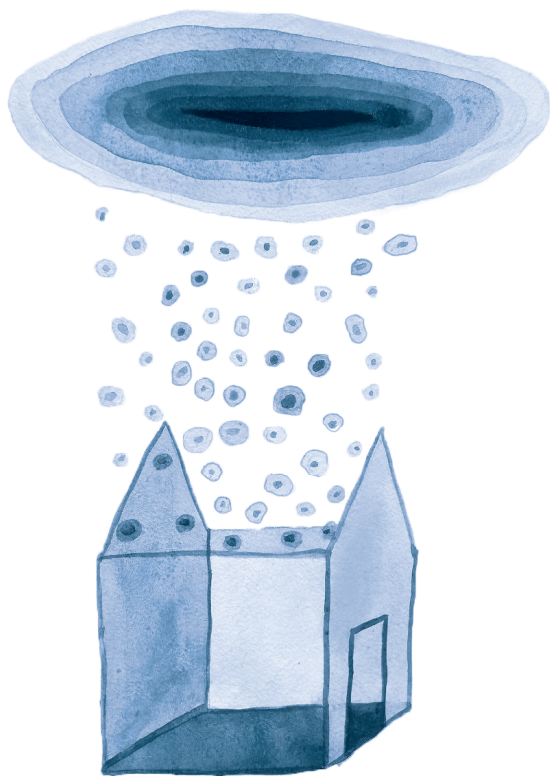
От автора 206



**Ни имени, ни названия,
Ни тела, ни формы...
В бесконечных мирах
Становясь любым из них
Ни к одному не принадлежа...
Мечется мой дух ожидая встречи
Призывает меня!
И я возвращаюсь!
И потому никуда не исчезаю
И ниоткуда не прихожу!**

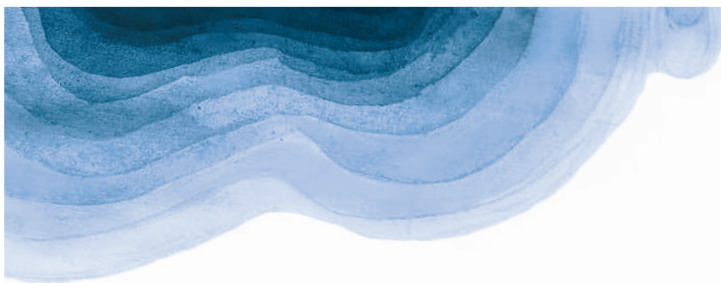
Первая часть

Из-3и



Мечты о жизни





«Изи, Изи, деточка моя, иди сюда,
иди ко мне, иди обниму, не плачь,
что ты плачешь, тебя обидели,
кто тебя обидел...»

Мечта... вспыхнула и тут же затаилась.

В школе, во втором классе учительница сказала, что у всех людей есть заветная мечта, что и у вас должна быть заветная мечта, что без заветной мечты жизнь интересная невозможна, а неинтересная жизнь — это пустая жизнь, совершенно зря возникшая, абсолютно никчёмно потраченная и... Без мечты вы просто болото и болото и больше ничего.

И это ужасно!

Болото было за домом как раз по дороге в школу, от него воняло, над ним всегда пар и оно не замерзало даже в самые сильные морозы, и только уже потом, много позже, он узнал и понял, что это вовсе не болото, а просто разлив канализации, который местные власти долго не могли ликвидировать. К болоту было страшно подходить, в нём не только кикиморы и лешие ужасные могли жить, но и много всего другого не менее ужасного, и даже какие-то непонятные, а от того ещё более ужасные, сволочные держиморды, про которые папа рассказывал маме за ужином.

Ужинали на кухне... Менялись дома, города, один раз даже страна, но кухня всегда одна и та же — вот плита, электрическая, газовая, дровяная и даже керосинка была, вот стол складной — ножки внутрь и столешница пополам, эдакий большой плоский... туда как-то ещё две табуретки укладывали, а вот ещё ящик-шкаф с посудой и кухонной утварью, мамин папа всё сделал... Два фанерных ящика со встроенными дверцами, при переезде — ящики, а на кухне — два ящика друг на друга — вот и шкаф. На кухне всегда тепло, всегда вкусно пахнет, там всегда мама...

Первым исчез папа. Нет, никаких репрессий, никакого криминала, никаких аварий и несчастных случаев, даже никаких внезапных смертей типа инсульта или инфаркта, просто исчез. Утром ушёл и больше никогда не появился. Он и раньше редкий гость был, а тут... Мама не горевала, не плакала, не сидела вечерами у окошечка в ожидании, но, если бы он вдруг внезапно возник на пороге дома, ужин был всегда и всегда свежеприготовлен. Вчерашний, неостребованный, съедали на завтрак-обед, а вечером снова ужин... как он любил: жареную на сале картошку, котлеты из свинины пополам с говядиной, голубцы, папа называл их «наши голубчики», причём и просто голубцы, как классические — фарш с рисом завернутый в капустный лист, так и голубцы ленивые — фарш с рисом и рубленой капустой, он называл их «голубцы всмятку», пельмени не любил, но очень нравились похожие на пельмени — тоже мясо в тесте — бузы, мама научилась их готовить в Монголии, где они жили почти год. Очень любил пироги и пирожки с капустой. Но мама пекла их редко, потому что «много мучного» не полезно, на что папа всегда добавлял совершенно непонятное:

«Без мучного — нет ночного». За ужином папа иногда выпивал стопку водки, водка обязательно из морозилки, густой прозрачной струйкой переливалась в стопку, которая тут же запотевала. Иногда после ужина со стопкой они пели монгольскую песню — странные звуки, выходящие через горло, поднимаясь из самой глубины тел...

Сүүмийх зэрэглээнд гэгээ анирлаад
Сүсэглэхийн эрхэнд ээж минь бодогдоно
Хүүгээ ирнэ гээд сүүгээ өргөөд
Хүслээ чилтэл алсыг ширтээ дээ...

Песня отзывалась совершенно незнакомой вибрацией, вслед за ней возникал гул приближающегося... чего-то огромного-неведомого... щемящего... Этот гул-вибрация появлялся в самой нижней части живота и поднимался вверх как поток, постепенно охватывая всё тело, подходил к горлу, и там, как бы наткнувшись на невозможность продолжения, откатывался вниз... и снова рвался вверх... и всё повторялось-повторялось, пока звучала эта странная песня...

Спев песню, папа с мамой некоторое время сидели за столом и молча переглядывались, улыбаясь...

Потом у них был секс.

В комнате всегда две кровати, но при появлении папы, на пол клали ватный матрас, который до этого лежал на маминой постели, чаще всего комната была и кухней, и столовой, и спальней, и прихожей — входная дверь прямо из длинного коридора, там и бегать, и на самокате можно. Секс на матрасе не слышен, сколько не прислушивайся, но и комнат стало больше: и прихожая, и кухня, и отдельная комната, можно было услышать только папино равномерное дыхание, а маму слышно было всего лишь раз.

Монгольская песня прозвучала, волны вибрации атаковали и отступили, на глазах сомкнулись веки... тихо... но... что-то... что-то беспокоит, заставляет ворочаться с боку на бок, прислушиваться... ничего не слышно, а беспокойство не исчезает. И вдруг! Волна! Ещё волна! Без песни и не сразу резко, как всегда, а мягко, почти не заметно, одна за другой, настойчиво с постепенным нарастанием ритма, поднимаясь из глубины живота, вызывая дрожь и возбуждение... которые волна за волной накатывают, подступая к горлу, рождая предчувствие чего-то странного, неизведанного, но неотвратимо притягательного... и... «А... а... а...», — исторглась волна наслаждения... совпав с тихим вскриком маминого голоса из соседней комнаты...

Мама умерла через год и восемь месяцев после того, как папа перестал хоть иногда появляться на пороге.

Первый месяц-два после исчезновения папы, а может и почти год, ничего не менялось — каждый вечер свежий ужин в полном объёме, каждое утро и день ужин съеден, каждый вечер приготовлен, но постепенно наступили перемены: вначале изменился состав — меньше мяса, а потом объём — количество пельменей, голубцов, котлет, пирожков, булочек, картошки, их всё меньше-меньше, потом только картошка, а потом и ужин исчез, поскольку мама вообще перестала готовить еду и приходилось ходить в социальную столовую на обеды, но мама, почему-то туда не ходила, а ела то, что принесено из остатков обеда, потом перестала вставать к завтраку, а потом отказалась и от остатков. Иногда она поднималась с кровати для каких-нибудь дел по дому и в туалет, но потом перестала и это делать. Через три

месяца от неё практически ничего не осталась, только серо-зелёное пятно на подушке в обрамлении прядей седых волос и что-то изредка шевелилось под одеялом, а потом и оно затихло и это «что-то» было завёрнуто одним махом в одеяло и куда-то унесено двумя здоровенными мужиками...

Мужики ушли, пришли две женщины, осмотрелись, о чём-то поговорили, порылись в сундуках и шкафах, сложили детские вещи в папину большую сумку и молча уставились, глядя в лицо, но куда-то мимо глаз. Потом что-то непонятное по очереди говорили, потом тянули за руки, взявшись за рукава рубашки, рукава оторвались и все упали в разные стороны... Женщины очень удивились что рукава так легко оторвались и долго обсуждали ветхость одежды... нашли в вещах другую рубашку, поновее как они предположили, предлагали надеть её, встретив отказ попытались сделать это насильно...

В ответ получили бьющееся в конвульсиях, кричащее тело: «А! А... Аа-а..», которое после укола затихло, затем было положено на носилки и отбыло в неизвестном направлении в красивом сине-жёлтом автомобиле с красным крестиком на фонарике над кабиной водителя, в сопровождении тревожно кричающих звуков на фоне периодических взываний сирены... но тело ничего не видело и не слышало как будто ему отключили изображение и звук, и был покой, но звук вернулся, а вслед за ним изображение и их возвращение включило этот мир и вместе с ним страх, и ужас, которые были причиной бегства из него, а новый укол снял всего лишь боль, которая была всего лишь поводом уйти-скрыться от всего этого...

В тот день, когда-то, в школе, мечта вспыхнула ослепительным светом надежды-радости-счастья, и

всю дорогу домой затаённым предчувствием согрела на морозе и даже северный ветер прямо в лицо не мог погасить жар этого предчувствия, песня рвалась, и ноги сами несли вперёд, и глаза не видели куда ноги несли... и на самой высокой ноте счастья и радости... он спотыкается, почти падает в то самое болото-озеро канализации, возникшее в тумане зловонных испарений, поднимает голову, а там, за болотом дом окнами светит, там мама, а иногда и папа...

«Дом! Я построю дом! Настоящий! Много комнат! Большая кухня! В доме тепло, горячая вода, большие окна, одна сторона в поле, другая на лес, где сосны до неба, где мягкий мох жарким летом хрустит, где белые грибы из мха выглядывают, туалет тёплый... унитаз, а не дырка вонючая, в которую упасть можно, и башня с окнами и балконами вокруг, чтобы во все стороны все дороги видны... что бы на закат смотреть, а восход со стороны поля встречать на первом этаже на террасе... большой камин, что бы костёр мог гореть... И что бы никаких северных сияний или солнца всю ночь и день, и никаких бескрайних песчаных равнин Сибири, или Монгольских степей! Просто лес и поле. Там, на границе, и будет стоять наш дом!»

Дом большой, много комнат и обязательно потайные места, где никто не найдёт! И даже никто никогда не узнает, что такие места есть! Вышел как будто в другую комнату и... ни мама, ни папа и никто! и никогда! не узнает куда вышел... И ни в какой другой комнате никого нет! И все бегают, ищут, беспокоятся, волнуются... А он сидит себе тихонечко, смотрит как они бегают по дому... на больших мониторах, подключённых... подключённых к системе наблюдения, которая по всему дому, даже в

туалетах и ваннных комнатах, а туалеты будут в каждой спальне, а спальни не в одном коридоре, а в разных частях дома и на разных этажах, что бы ходить по дому и никого не встречать в полуголом или вовсе голом виде, а ещё будут потайные проходы, по которым можно пройти по всему дому и по всем этажам, а его владения — именно так: владения! будут... глубоко под землёй! Вот уже точно — никто, никогда! Не войдёт незаметно и не спросит: «А что это ты делаешь? — не заглянет через плечо, — А что это ты рисуешь? — или, — А что это ты смотришь? А во что это ты играешь? А где ты это взял? А кто тебе это дал?»

Но поделиться радостной вестью не удалось — папа ещё не появился, а мама ушла за продуктами для ужина. А когда мама вернулась — мечта уже затаилась, потому что...

Мама пришла с покупками, ставит сумку на стол, оглядывается, улыбается... надо в ответ тоже улыбнуться, но смотрит она куда-то мимо, не ему улыбается. Он хочет что-то сказать, но она уже опустила голову и неторопливо вынимает продукты, внимательно разглядывая их... кусок мяса, говядина, нежирная, значит не котлеты и не голубцы, несколько небольших картошин, картошка с мясом? Помидоры, луковица, перец сладкий, чеснок... пучок какой-то зелени, масло оливковое... Суп? На ужин? Водка, одна бутылка. Две лепёшки, папа любит, что бы пекли дома в духовке, но здесь плита на кухне с двумя конфорками и без духовки, а приготовленные на сковородке папа не любит — горелым маслом пахнет. В магазине продаются лаваш и лепёшки, которые больше на тонкий хлеб похожи, но все равно

лучше, чем хлеб: «Неделю не сохнет! Это разве хлеб?» Но когда за столом спрашивает про лепёшки, говорит: «А где хлеб?»

Продукты выложены: водка в морозилку холодильника, мясо на куски и в кастрюлю с водой и на плиту, всё же суп — может на завтра? лепёшки на стол и сверху полотенце с красными петухами, папа любит, чтобы лепёшки накрыли рушником, «И рушник вышиванный на счастье, на долю дала», — напевал он, открывая тарелку с лепёшками...

«Мама, мамочка... поговори со мной, посмотри на меня, спроси меня, повернись ко мне, я здесь, я смотрю на тебя, у нас один воздух, я дышу им, как и ты, я построю дом для нас, у тебя своя комната с туалетом и ванной, всегда горячая вода...»

Но... только спина, исчезает в тёмном проёме дверей...

И мечта, достигнув вершины восторга — ещё мгновение и засияет радостно открыто, на высочайшей точке... затаилась, потому что...

Папа не пришёл, мама умерла, появились женщины, которые оторвали рукава рубашки...

И вот он сидит в комнате с серо-синими стенами на деревянной коричневой скамеечке, перед ним стол и стул, а за столом... никого... В дверном проёме виден узкий коридор, слышны шаги, пришаркивающие на цементном полу, дверей нет — просто прямоугольная дыра в стене.

И кто-то ходит-ходит, то быстро, то медленно, то совсем ме-едленно... «Наверное танцует... — он прислушивается, — в коридоре? А музыки нет».

И вдруг за столом те самые женщины — те, что рвали рукава — одна напротив сидит, а другая рядом

и пытается погладить его по спине: «Мальчик, не бойся, здесь некого бояться, мы хотим тебе помочь, твоя мама умерла, где твой папа мы не знаем, у тебя есть родственники? Мамины родные или папины, ты знаешь кого-нибудь?» Она внимательно смотрит на него, пытается заглянуть в глаза.

«Кто в коридоре танцует?» — тихо спрашивает он. Женщина оглядывается на проём в стене: «Танцуют? Чего ты боишься? Тебя здесь не обижают». Но он уже втянул голову в плечи как птица в перья, и голова упёрлась подбородком в грудь. Это обычная мгновенная защита! и надо ещё сразу закрыть глаза оставив еле заметной щёлочку, чтобы только чуть-чуть видеть пол перед ногами и тогда появится гул в ушах, и ничего другого — ни просьб, ни приказов — слышно уже не будет... Ну, не то, чтобы не слышно совсем, что-то слышно, но если не обращать внимание, то ничего как бы и не понятно, а раз так, то и отвечать не надо.

Папа что-то говорит, руками машет, видно, как губы шевелятся и даже зубы во рту видны — большие, крепкие, но не белые, как иногда в кино у сильно загорелых мужчин, сияющих ослепительной улыбкой... а как у лошади в каком-то мультике. «Бесполезно, — говорит мама, — он спрятался, надо подождать, — и ласково смотрит на папу, — не сердись, он тебя любит, просто мы тихо живём, а ты всегда так шумно-громко появляешься!»

Он тогда не в первый раз «спрятался» таким образом, но впервые понял, что прячется, что это его убежище и он в любой момент может туда сбежать и никто не поймёт, где он. Когда-то, где-то, в какое-то лето, на высоте чуть ниже второго этажа как раз напротив окна его с мамой комнаты старшие соседские мальчики соорудили шалаш на трёх дере-

вьях, растущих рядом с домом, и он прекрасно видел все стадии возведения этого замечательно таинственного сооружения.

И как-то рано утром, когда во дворе никого, мама спит, тихо, и солнце вот-вот появится, он забрался в тот шалаш...

Видны окна и что в окнах, если нет занавесок, виден двор, видна улица, но чуть-чуть в створе домов, выходящих на неё, вот если пожарка заедет или ментовка вдруг остановится напротив или даже загородив въезд... отсюда будет всё видно сквозь узкие и широкие щели шалаша, но никто! не увидит, что он видит их!

Мама проснулась и сидит на кровати свесив босые ноги, а в окне выше этажом бородатый мужик мрачно смотрит во двор, опершись на руку, прижатую к окну, чуть пониже открытой форточки, вот кот вскочил на подоконник... мужик опустил руку погладить, а кот исчез, и мужик закрыл форточку.

И мамы нет, только смятая постель на пустой кровати...

Сузив глаза и подняв плечи, как бы втянув голову в них, он сразу чувствует себя как в том шалаше — и никто не может посмотреть ему в глаза, а если закрыть уши — ни звуков, ни взглядов с той стороны.

Папа что-то сказал сердито и из его перекошенного рта вылетели капельки... а мама нежно обняла папу, и они вместе вышли из комнаты в коридор.

«Я в шалаше, — тихо прошептал он, глядя им вслед через щели прикрытых веками глаз и добавил, — и вы меня не найдёте».

И теперь только вот так прижмуру глаза, как от яркого солнца, опусти голову и... даже дыхание замирает. «Никто! не сможет найти меня!»

А тогда, из школы, когда ноги сами несли его домой, и когда радость оборвалась, он просто не успел спрятаться! и мечта как бы замерла в неизвестном месте и затаилась. Он даже не вспомнил об убежище, ведь была только радость, только ожидание счастья! Ведь мама здесь, он дома, а здесь не опасно... И он просто не успел!

«Ну, вставай, пойдём!» — говорит женщина, которая оторвала правый рукав, она и сейчас сжимает его правую руку. Он не сопротивляется, но обмякает как мешок с песком. «Идём-идём», — пытается помочь женщина со стороны левой руки... да-да, та самая... Обе тянут... «Ты же не репка, — говорит правая, — А мы не дедка с бабкой, — подхватывает левая, — И внучку не позвать, — они пытаются выдернуть его со скамейки и тянут за руки в разные стороны, — Но мы можем позвать Петра Ивановича», — говорит какая-то из них. «Можем», — подтверждает какая-то другая. Ему не видно кто говорит и почти не слышно, у него голова гудит, плечи болят... какой-то Пётр жил в доме, откуда его забрали, это Петёк, замухрышка, метр с кепкой, он не вытащит, но пакость сотворить может — обоссать или по яйцам врезать, один раз ухо откусил мужику, уж тот и визжал! Петёк пьяный не дошёл до своего этажа и упал на предыдущем, а там дальнобойщик жил, не сказать, что здоровый чел, но жирный, а чего ему, работа не пыльная, в кабине даже туалет и душ, а сам в майке да шлёпки-подошвы на босу ногу. Петёк возле его двери упал и вырвало его, он отвернулся от блевотины и отрубился, а тут этот дальняк с рейса...

Нагнуться трудно — пузо мешает — он давай пинать Петька, Петёк очухался, вскочил на ноги и... прыгнул прямо на грудь дальнбоя, обнял его, прижался и откусил пол-уха, но может и поменьше. Ну, мужик и вопил! А Петёк спрыгнул, выплюнул эти пол-уха, может и поменьше, матюгнулся и пошёл к себе.

Но Петёк давно уехал куда-то, если жив ещё, как тут появится? Он-то может! И на плечи вскочит, и за голову схватит, и потянет, упёршись ногами... и голова отвалится как рукава рубашки, а голова не рубашка, не пришить! «Да пусть тащат, не убивать же меня? Да хоть и убивать? И голоса у них противные! Вот вырасту и прибью их всех к чёртовой матери, чего пристали...» И тело его ещё больше расслабилось и он вовсе обмяк из мешка с песком в какое-то желе текучее, клей такой когда-то был, а может и есть — силикатный, то есть кремниевый, то есть как бы стекольный, как бы из песка, а ведь стекло — это твёрдое! Твёрдое в жидкое! Он так и почувствовал себя — рассыпается, растекается, его ни взять, ни подхватить... Пусть тянут, и что вытянут, то вытянут, из меня вытянут... что-то, а я спрячусь! Они не найдут меня! Они никогда не найдут меня!

А женщины кричат! Одна кричит: «Пётр Иванович! Пётр Иванович!», а другая: «Нужна помощь! Он выскальзывает, сползает, нам не ухватить!» У первой голос пронзительный: «Пётр Иванович! Пётр Иванович! Носилки! Где каталка?» А вторая хрипит не понятно откуда: «Пётр Иванович, хрен старый, что стоишь, помогай!» Пётр Иванович подходит, мрачно смотрит на кучу тел... где чья нога-рука-плечо? Всё это ворочается, визжит-сопит-пахнет... селёдкой. «Мать ети! И почему селёдкой?» В молодости Пётр Иванович трудился комен-

дантом в общежитии, там жили вьетнамские студенты, иногда они жарили самую обыкновенную селедку солёную... она воняла до жарения, во время жарения, а уж после жарения — на кухне, в коридоре и вообще везде на этаже распространялся селедочный смрад горелого масла, проникая во все комнаты, а по лестнице и на другие этажи здания. Жуткие воспоминания! «Надо каталку с привязью», — бормочет Пётр Иванович и уходит. «Куда?» — хрипит женский голос из кучи. «Ай, бл...ь! — взвыл другой женский голос. — Кусает! Грудь кусает! Сосок! Больно!»

Но Пётр Иванович уже не слышит, шагая по коридору, он напряжённо соображает — куда в последний раз затолкал старую каталку... «Колесо болтается, при движении тарахтит, используется редко, новую не приобретают.» «Куда поставил? Где искать?» Он всегда всё помнит! Конкретно! Где, что лежит, стоит, спрятано! И ни-ко-гда, ни-че-го не забывает!

В любой момент он знает любой момент жизни — вчера, сегодня, завтра это всегда здесь-сей-час в это самое мгновение. Но! Каталка исчезла из «здесь-сей-час»!

Каждый день, каждое событие в сознании Петра Ивановича не исчезает, оно как бы присоединяется к данному мгновению, к данному мгновению... это как варежку или свитер вязать — петелька за петелькой, петелька за петелькой... Особенно шарфик. Пётр Иванович телевизор не смотрит, в Интернете не сидит, он вяжет, иногда на заказ. Если нет заказа просто вязанки всякие делает, так он их называет, особенно любит детские пинеточки, хотя своих детей нет. Ему почти никогда не снятся и не снились

сны. То есть... вот он лёг спать и через мгновение уже открывает глаза, а между этими мгновениями, если смотреть на часы, проходит 5-6-7 часов, то есть включил-выключил, но между включениями только тьма без паузы. Мгновение!

Первая картинка, которую он увидел когда-то, — мамино лицо и он вдруг как бы понял, что перед тем, как увидеть её, он горько плакал, но никакой картинки с этим связанной не появилось, а состояние осталось навсегда. Потом мама взяла его на руки, потом одевала, потом мыла лицо, потом кормила, потом он развлекался с игрушками... и каждый раз картинки непрерывно менялись, но не исчезали, то есть он видит — стол, на столе тарелка, потом он берет ложку, стучит по тарелке... но это как бы кино такое (как он потом осознал), это как бы что-то-кто-то делает, а он только смотрит на всё происходящее в этом моменте. Но все моменты, который он видел, никуда не исчезли, они могли вновь и вновь появляться и как бы быть здесь, но и происходящее в этот момент с ним тоже было здесь.

В сознании Петра Ивановича, в его «здесь-сей-час» нет «там и тогда», это было, а это есть, а это будет.

У него всегда всё здесь и всё есть, но всё это только его внимание, которое как бы перемещается... и создаёт то, что сейчас и то, что потом, а в его внимании остаётся всё то, что сделано им. Иногда он себя чувствовал таким вязальщиком, он связывает всё, что обнаруживало внимание, он вывязывал-конструировал-соединял всё в единый мир реальной нереальности. Он ясно видел, что прямо сейчас происходит, он видел-помнил-знал, что произошло — просто он в своём внимании как бы отступал по связанному кружеву, но он так же мог направить внимание в любую сторону, хотя сторон как бы и нет...